

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ В ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ: КОНЦЕПЦИИ, РЕЗУЛЬТАТЫ, УРОКИ

Р.С. Гринберг,

*зам. директора Института международных экономических
и политических исследований Российской академии наук (г. Москва)*

За тринадцать лет рыночной трансформации (1990–2002 гг.) национальные экономики бывших социалистических стран существенно изменили свой облик. Преодолена их изолированность от остального мира. Полностью демонтированы механизмы командной экономики, исчезли всеобщие дефициты товаров и услуг, значительно расширен их ассортимент. Повсюду раскрепощена ранее скованная личная инициатива людей, происходит достаточно быстрое становление предпринимательского класса. Население посткоммунистического мира стремительно изживает приобретенные в условиях реального социализма иждивенческие комплексы и быстро усваивает «рыночный» образ мышления и действия. Seriously подорвана типичная для прежнего строя уравнивательность в личных доходах. Налицо осязаемый прогресс в дисциплине и этике труда в связи с восстановлением полной товарной обратимости национальных валют. За годы реформ созданы и начали функционировать формальные институты рыночной экономики, т. е. коммерческие банки, товарные и фондовые рынки, валютные биржи, качественно новые налоговые механизмы, правила антимонопольного регулирования и т. п. Значительное достижение подавляющего большинства рассматриваемых стран – обуздание галопирующей инфляции и резкое сокращение бюджетных дефицитов.

Издержки системной трансформации везде оказались существенно выше, чем предполагали ее инициаторы. С начала реформ резко снизился средний уровень реальных доходов населения и одновременно увеличилось неравенство в их распределении. В то время как только пятая часть населения бывшего социалистического лагеря улучшила жизненный стандарт, почти треть превратилась в слой «новых бедных». При этом расширение зоны

бедности в значительной мере происходило за счет размывания сложившегося в прошлом среднего класса (квалифицированные рабочие, инженерно-техническая интеллигенция, ученые, работники культуры, просвещения, здравоохранения). За годы реформ в большинстве стран заметно увеличилась безработица. Сегодня она составляет от 10 до 20% трудоспособного населения (1,5–2% в 1989 г.).

Не оправдались надежды на сокращение разрыва между Востоком и Западом Европы ни в социально-экономическом, ни в технологическом отношении. Если сравнить динамику и уровень ВВП на душу населения там и здесь за 90-е годы, обнаружится, что пока указанный разрыв только увеличился. В то время как большинство стран бывшего социалистического мира лишь приближаются к восстановлению уровня среднедушевого ВВП 1989 г., аналогичный показатель по странам ЕС в среднем увеличился за последние 13 лет на 20%. За прошедшие годы перемен бывший «второй» мир (за некоторым исключением) даже отдалился от желаемых стандартов «первого» и, скорее, приближается к «третьему» миру. И страны ЦВЕ, не говоря уже о постсоветских государствах, вместо скачка в постиндустриальный мир все еще находятся на стадии преодоления обозначившихся с самого начала перемен тенденций примитивизации производства и деинтеллектуализации труда.

В большинстве стран бывшей мировой социалистической системы имеет место заметное сокращение государственной поддержки здравоохранения, науки, культуры и образования. И это сокращение не компенсируется частным сектором национальной экономики. Иллюзией явилось бытовавшее в начальной стадии рыночных реформ представление о том, что они сохраняют все преимущества социалистического патернализма и добавляют к ним мате-

риальные блага, которые обещает экономическая свобода. Логика поражения социализма как цивилизации оказалась безжалостной в отношении как мнимых, так и реальных его преимуществ.

Даже в самых продвинутых странах бывшего социалистического лагеря не удается преодолеть хронический дефицит платежного баланса и решить проблему крупной внешней задолженности.

Конкретная ситуация и вектор развития в странах, переживающих системную трансформацию, выглядят по-разному. В одних государствах удалось достаточно быстро преодолеть трансформационную рецессию, в результате чего здесь уже с середины 90-х годов наблюдается хозяйственный рост, позволивший к концу прошедшего десятилетия превзойти предреформенный уровень ВВП (Польша, Словения, Чехия, Словакия, Венгрия). Другие страны, к которым прежде всего относятся республики бывшего СССР, и в частности Россия, по объему ВВП более чем на треть отстают в настоящее время от максимального уровня советского периода. И, несмотря на начавшееся здесь с 1999 г. экономическое оживление, данный показатель будет, судя по всему, достигнут лишь к 2010 г., да и то при условии, что в текущем десятилетии он каждый год будет увеличиваться минимум на 4%.

Назовем объективные факторы, обусловившие повышенную сложность системной трансформации на пространстве СНГ в сравнении со странами ЦВЕ.

Во-первых, существенное значение имеет факт различной продолжительности «социалистической полосы» для разных стран. Если в государствах ЦВЕ она продолжалась 40 лет и в большинстве случаев была навязана извне, то в России социализм господствовал более 70 лет, являясь к тому же целиком отечественным, а не импортированным «продуктом». Благодаря одному только этому обстоятельству, а также из-за имевшегося в ряде стран (Польша, Чехословакия и Венгрия) опыта внедрения некоторых рыночных инструментов в плановую экономику, степень ментально-психологической готовности их народов к замене одной системы на другую не могла не быть выше, чем в странах СНГ.

Во-вторых, в отличие от стран ЦВЕ перед постсоветскими реформаторами стояла

задача продолжить системную трансформацию при стремительном, правда, ими же и инициированном распаде ранее единого государства. Каковы бы ни были намерения лидеров новых независимых государств («избавимся от грабительского центра, и легче будет проводить реформы»), действительность показала, что разрыв единого экономического пространства затруднил, а не облегчил переход к рыночной экономике каждой суверенной республики бывшего СССР, в том числе и России.

В-третьих, на старте реформ серьезным бременем для России и некоторых других стран СНГ оказалась огромная доля в экономике военно-промышленного комплекса. Как только отказались от поддержания постоянного военного паритета чуть ли не со всем остальным миром, выяснилось, что конверсия гипертрофированно милитаризованного производства потребует на первых порах неизмеримо больше затрат, чем принесет выгоды от нее.

Трудности объективного характера были в существенной мере усугублены избранной с 1992 г. стратегией реформ, основанной на доминирующей в сегодняшнем мире неолиберальной философии. Разочаровывающие итоги системной трансформации в России преимущественно рукотворны. Прежде всего, они обусловлены попытками исполнительной власти реализовать именно эту стратегию, и лишь во вторую очередь, предопределены неблагоприятными стартовыми условиями.

В России и на Западе продолжает жить полнокровной жизнью миф о том, что неудача российской трансформации в сравнении с результатами реформ в продвинутых странах ЦВЕ связана с «плохим» исполнением неолиберального плана в России, который «хорошо» реализовывался у наших партнеров по бывшему социалистическому лагерю. Типичным в этом отношении является замечание руководителя второго европейского отдела МВФ Джона Олдинга-Сми после дефолта и обвальной девальвации рубля в августе 1998 г.: «Если бы экономические программы, которые МВФ поддерживал в последние годы, были проведены полностью, то сегодня экономика России выглядела бы по-другому» [1]. На самом же деле именно потому, что с самого начала ельцинского периода рыночных реформ в России была сделана ставка на всецелое «экономической свободы» при игнорировании всего

многообразия рыночных институтов, страна пока не в состоянии вырваться на траекторию устойчивого экономического роста.

Цена реформ в России оказывается значительно выше, чем в странах ЦВЕ, так как российские реформаторы не только в риторике, но и в реальной политике пытаются реализовать три неизменных постулата неоллиберальной ортодоксии, сомнительных с точки зрения их применимости даже в развитых, не говоря уже о переходных экономиках.

1 постулат – любое государственное вмешательство всегда вредит эффективному размещению ресурсов, т. е. ошибки государства всегда хуже ошибок рынка.

2 постулат – государственная собственность, в принципе, неэффективна, поэтому надо ее приватизировать как можно быстрее.

3 постулат – любое изменение общего уровня цен всегда происходит только вследствие сдвигов в объеме денежной массы.

В отличие от реформаторов ЦВЕ проводники и идеологи российских реформ имеют обыкновение постоянно подчеркивать тезис об органической слабости государства в «транзитных» странах вообще, и особенно в России. Из него следует, что функций государства, вполне легитимные в устоявшихся рыночных хозяйствах, должны быть сведены до минимума в переходный период. Мировоззренческий либерализм смыкается, таким образом, с «либерализмом поневоле». Проводники же реформ в странах Центральной Европы, обновив посредством демократизации государственную машину, сумели предотвратить ее ослабление и тем самым смогли обеспечить дееспособность и авторитет власти как таковой. Поэтому при всех неизбежных ошибках здесь удается проводить курс, который в риторике не противоречит либеральной парадигме, а на деле обеспечивает рационально-прагматический подход к либерализации экономики, приватизации государственной собственности, достижению макроэкономической стабилизации и обеспечению экономического роста.

Широко бытующее представление о том, что существует устойчивая причинно-следственная связь между сокращением участия государства в перераспределении национального дохода и увеличением темпов экономического роста, практика не подтверждает. И это легко обнаружить, сравнив удельный вес

государственных расходов в ВВП в странах с положительной (Польша, Венгрия, Словения) и отрицательной (Болгария, Румыния) хозяйственной динамикой. В первой группе стран этот показатель находится сегодня в пределах 45–50%, во второй – 25–35%. В России же относительная величина государственных расходов в ВВП к концу 90-х годов сократилась до беспрецедентно низкой отметки – 24,4%, на что, кстати, с тревогой обратили внимание даже деятели МВФ и эксперты неоллиберальной ориентации.

Доля бюджетных ассигнований в ВВП в «успешных» странах не уменьшалась, а в некоторых даже увеличивалась в периоды трансформационного спада. В 1990–1993 гг. в Венгрии, например, она достигла максимального уровня в 62%, а затем последовательно снижалась до 47% (2001 г.). В Польше, Чехии и Словении удельный вес государственных расходов в ВВП оставался практически неизменным на протяжении всего периода реформ на уровне 50%.

Значительную роль государства в становлении здоровой рыночной экономики иллюстрирует не только факт сохранения высоких бюджетных расходов в странах, где после короткой трансформационной рецессии начался экономический рост. Принципиальное значение имеет также структура расходов. И здесь межстрановые сопоставления указывают на, по видимому, неслучайное совпадение положительной хозяйственной динамики в той или иной стране с относительно крупными государственными расходами на образование и науку. Например, в Венгрии, Чехии и Польше удалось сохранить прежнее соотношение ассигнований на образование к ВВП на протяжении всех 90-х годов, в то время как в Болгарии, Румынии и странах СНГ оно сократилось вдвое. Что же касается расходов на науку и научно-технические разработки (НТР), то и в этой сфере просматривается зависимость между их объемом и направленностью хозяйственной динамики. Хотя в абсолютном выражении они снизились практически везде, глубина падения в Болгарии, Румынии и странах СНГ оказалась намного больше, чем в продвинутых странах ЦВЕ.

Сравнительный анализ хода реформ и социально-экономического развития стран ЦВЕ указывает на уязвимость представления

о пользе неравенства для повышения хозяйственной активности при переходе от командной экономики к рыночной. Имеющиеся оценки динамики и уровня дифференциации доходов в постсоциалистических государствах свидетельствуют об иной закономерности. Скорее, оправдывается гипотеза, в соответствии с которой за определенными пределами поляризация доходов не только не стимулирует экономический рост, но и начинает препятствовать ему. В настоящее время в Чехии, Словакии, Польше, Венгрии и Словении среднедушевые доходы 10% самых богатых семей превышают соответствующие доходы самых бедных в 4,5–5,5 раза. В то же время в Болгарии и Румынии аналогичный показатель превышает 10, а в России – 15. В самом начале системной трансформации как в «удачных», так и в «неудачных» странах разрыв в доходах самых богатых и самых бедных людей составлял 2,5–3 раза.

Опыт системных преобразований в посткоммунистическом мире опять-таки отрицает, а не подтверждает широко бытующее представление об односторонней причинно-следственной связи между экономическим ростом (причина) и развитием социальной сферы (следствие). Можно лишь утверждать, что налицо тенденция к взаимодействию обоих процессов, когда причина и следствие, постоянно меняясь, усиливают друг друга. Несостоятелен также взгляд, что бюджетные расходы вообще, и особенно на социальные цели, – непродуктивная трата ограниченных общественных средств и без их сокращения невозможен устойчивый экономический рост. Скорее, правильный тезис противоположного характера: верно выстроенные приоритеты и институты социальной политики не только не препятствуют экономической активности, а наоборот, стимулируют ее, обеспечивая к тому же политическую поддержку хозяйственным реформам.

Либерализация экономической деятельности – необходимое, но недостаточное условие формирования эффективного рыночного механизма. Анализ практики реформ демонстрирует ключевую роль институциональных преобразований, включая обеспечение прав собственности, действенное антимонопольное законодательство и контроль над его соблюдением, строгий банковский надзор, страхование банковских вкладов и т. п. При их отсутствии

неизбежно возникает «системный вакуум», ведущий к процветанию клановой и теневой экономики, криминализации хозяйственной сферы, росту и консервации неплатежей.

В относительно успешных постсоциалистических странах либерализация достаточно быстро проводилась применительно к обороту товаров и услуг. В то же время весьма осторожный подход наблюдался в отношении снятия ограничений с оплаты труда, и особенно внешнеторговых и валютных операций, экспорта и импорта капитала. Создание открытой экономики было важным элементом системных преобразований в странах ЦВЕ. Но движение к открытости сочетается с постепенностью в отмене ограничений, достаточно строгим контролем над разворачивающимися процессами и действиями субъектов хозяйствования, что позволяет избегать многих известных в российской практике негативных явлений.

Полностью оправдывает себя обозначившаяся здесь с самого начала реформ ориентация на привлечение прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Обнаруживается прямая связь между накопленными объемами прямых иностранных инвестиций и темпами экономического роста, а также между накоплением критической массы прямых иностранных инвестиций и началом преодоления тенденции примитивизации структуры экономики (Венгрия, Чехия, Польша).

Дилемма «шоковая терапия» – градуализм» в значительной мере искусственна. На самом деле нет принципиальной разницы между Польшей и Венгрией, где содержание реформ обычно сводят к указанным понятиям. В условиях экстремального товарно-денежного неравновесия, как это было в Польше в 1988–1989 гг., либерализация цен кажется шоковым мероприятием. Если же еще в 80-е годы более или менее гибкая ценовая политика не допускала такого неравновесия, как это было в Венгрии, то же мероприятие уже не выглядело таковым. При всей вполне естественной страновой специфике сравнение остальных системных преобразований в обеих странах не дает каких-либо оснований для их противопоставления в терминах «шоковая терапия» – градуализм».

Массовая ускоренная приватизация не является наилучшим способом формирования

подлинных рыночных субъектов. Опыт постсоветских государств вообще, и России в частности, показывает, что она приводит к возникновению крайне нерациональной системы корпоративного управления. Неблагоприятные последствия возникают также в тех случаях, когда не уделяется должного внимания управлению государственным имуществом. Тогда широкое распространение приобретает его растаскивание, ведущее к криминализации всей экономики.

В то же время исключительно важное значение имеет создание благоприятных условий для развития частного сектора на собственной основе. Из практики самых успешных в этом отношении стран (Польша, Венгрия, Чехия) следует, что эта задача решается с помощью целенаправленной государственной поддержки малого предпринимательства.

Не существует прямой зависимости между масштабами частного сектора и темпами экономического роста. В большинстве стран наибольший экономический эффект был достигнут уже на этапе коммерциализации деятельности государственных предприятий. Опыт Польши в этом отношении особенно примечателен. Приватизация экономики может оказать позитивное воздействие на деятельность субъектов хозяйствования лишь в том случае, если сопровождается необходимой институциональной трансформацией и особенно – формированием эффективной конкурентной среды. Душа рынка – конкуренция, а не собственность. В результате относительно высокие темпы экономического роста демонстрируют столь разные по реализованным моделям приватизации и масштабам созданного частного сектора страны, как Словения (преобладание в течение всех 90-х годов, по существу, самоуправляемых предприятий), Венгрия (господство иностранного капитала) и Польша (приступила к массовой приватизации «с большим опозданием» лишь в конце 1996 г.).

Результативность и необратимость макроэкономической стабилизации в ряде стран ЦВЕ не может быть связана с использованием рецептуры ортодоксального монетаризма, ограничивающегося только регулированием денежного обращения. Реформаторы в рассматриваемых странах отдавали себе отчет в том, что динамика цен в переходных экономиках определяется не только спросом на товары и

услуги, но и разнообразными причинами на стороне их предложения. Они понимали, что инфляция зависит не только от динамики денежной эмиссии, но и от так называемых немонетарных факторов. Именно поэтому им удалось вычленив две наиболее действенные порочные спирали в обесценении денег: «цены-доходы-цены» и «инфляция-девальвация-инфляция». А точный диагноз преопределил, в свою очередь, и правильность лечения, содержание которого с самого начала реформ сводилось к использованию пакета взаимодополняемых мер по регулированию денежного обращения, части цен, личных доходов и валютного курса.

Через полтора года ряд стран ЦВЕ вступит в Европейский союз. На этом пути многие из них достигнуты весьма впечатляющие успехи, среди которых надо прежде всего выделить продвижение к копенгагенским критериям и переориентацию внешнеэкономических связей. В Венгрии, Польше, Чехии, Словении доля ЕС во внешней торговле составляет уже от 60 до 70%. Обнаруживается, что принятие стран ЦВЕ в ЕС – намного более дорогостоящий проект, чем считалось ранее. И это, разумеется, усиливает позиции так называемых европессимистов, считающих, что ЕС не выдержит такой нагрузки. При распространении на страны-кандидаты финансовой поддержки отстающим регионам, а также обязательств в рамках общей сельскохозяйственной политики ежегодные расходы бюджета ЕС придется увеличить минимум на 30–40 млрд евро. Тем не менее установка на расширение ЕС на Восток не будет пересмотрена. Не исключен только пересмотр финансовых условий. Становясь полноправными членами Европейского союза, страны ЦВЕ официально включаются в жесткий институционально-правовой каркас ЕС, несмотря на растущий дискомфорт в связи с новым изданием «ограниченного суверенитета».

Сравнение полномочий и действий правительств России и стран ЦВЕ в условиях системной трансформации указывает на громадное значение политической системы, в рамках которой проводится тот или иной экономический курс. Сопоставление опыта функционирования политических систем в России и относительно успешных странах ЦВЕ свидетельствует о том, что только правительство,

сформированное с учетом соотношения сил в парламенте, подконтрольно обществу, с одной стороны, и в состоянии проявлять «политическую волю» – с другой. Просматривается в этой связи объективная потребность в пересмотре российской конституции в сторону определенного перераспределения властных полномочий в пользу Правительства, хотя общественное сознание в сегодняшней России к этому явно не готово.

Главный урок реформ в посткоммунистическом мире для теории – ощущение дефицита адекватной целостной концепции современного государства вообще и его экономической деятельности в частности. Здесь приходится иметь дело с неким «парадоксом государства», т. е. с *фундаментальным противоречием между доминирующей теоретической установкой на минимизацию действий государства и его фактической ролью в хозяйственной жизни стран с рыночной экономикой*. Есть очевидная потребность в теории, в которой государственная активность была бы так же легитимна, как и частная инициатива. Пока же систематическое участие государства в хозяйственной жизни, в сущности, незаконно, ибо осуществляется не благодаря, а вопреки требованиям *mainstream* современной экономической мысли, т. е. «интуитивная рациональность» реализуется методом «проб и ошибок». Дискуссии по этому вопросу обычно ведутся в рамках так называемой парадигмы вмешательства, и поэтому указанный парадокс, в принципе, не может быть разрешен. Определенным шагом на пути решения проблемы является концепция экономической социодинамики, ключевое положение которой заключается в том, что государство выступает в качестве самостоятельного и равноправного

субъекта рынка, активность которого направлена на реализацию несводимых общественных интересов, не выявляемых в индивидуальных предпочтениях [2].

Главный урок для практики – не механический перенос институтов, стандартов и критериев Европейского союза, а создание «анклавов фактической солидарности» с заинтересованными партнерами по СНГ и параллельное формирование на постсоветском пространстве рабочей зоны свободной торговли с естественным лидерством России. Реальные предпосылки для превращения аморфного СНГ в жизнеспособный региональный блок появятся только тогда, когда на смену благостным интеграционным мечтаниям придут вполне конкретные задачи, вытекающие из такого же конкретного коллективного интереса. Если Россия инициирует комплексную программу структурной перестройки постсоветской экономики на основе тщательно отобранных приоритетов и широкого распространения современных технологий, такой интерес появится без всякого принуждения. Его можно было бы обозначить как коллективную заинтересованность в организации и развитии в рамках Содружества собственных конкурентоспособных транснациональных корпораций, способных участвовать в глобализации мировой экономики в качестве субъектов, а не объектов процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *IMF Survey*. 1999, Vol. 28, № 17, August 30, P. 274.
2. *Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я.* Экономическая социодинамика. М., 2000.

